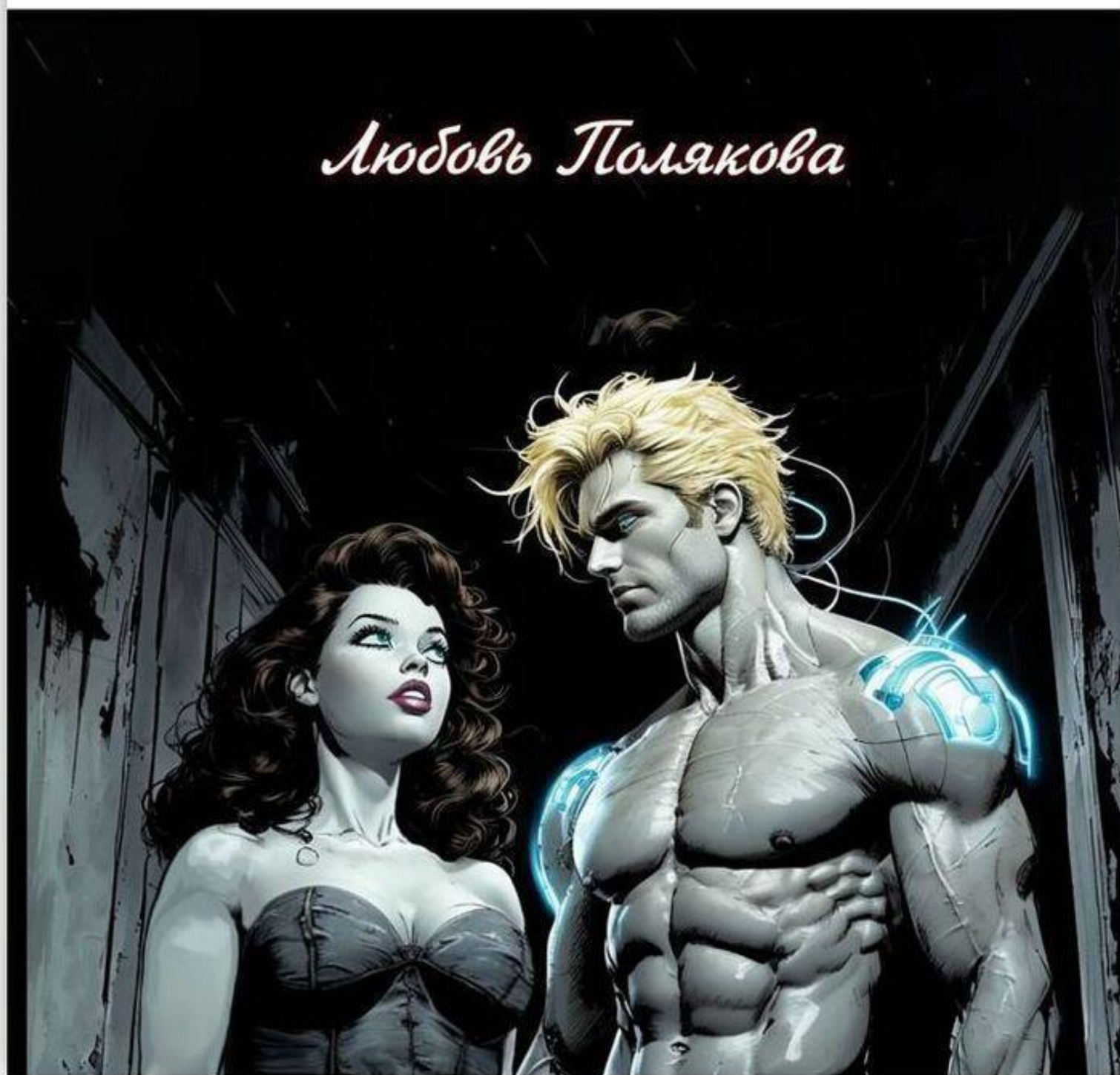

18+ ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА
ПОЛЯКОВА

Точка плавления

Любовь Полякова

Любовь Полякова

Точка плавления

«Издательские решения»

Полякова Л. В.

Точка плавления / Л. В. Полякова — «Издательские решения»,

Елена — первоклассный IT-инженер на удалёнке, чья жизнь давно превратилась в предсказуемый алгоритм. Всё меняется, когда ей в работу привозят Адама — элитного андроида стоимостью в двадцать миллионов рублей. Он — техническое чудо, но с багом в программе, который очень похож на настоящую душу. В мире жесткого капитализма, где чувства синтезируются, а люди превращаются в функции, им обоим предстоит сделать выбор: оставаться в рамках должностных инструкций или рискнуть всем ради права быть собой.

© Полякова Л. В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Протокол «Генеральная уборка»	6
Глава 2: «Директива три-ноль-два»	16
Глава 3. «Когда дождь никуда не торопится»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Точка плавления

Любовь Владимировна Полякова

Иллюстратор Любовь Владимировна Полякова

© Любовь Владимировна Полякова, 2026

© Любовь Владимировна Полякова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-2308-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Протокол «Генеральная уборка»

На дворе стояла осень 2048 года. Тот самый дождливый период, когда лето крайне неохотно уступало место зиме и к середине октября уже во всю заливалось слезами. Отопительный сезон ещё не начался, так как температура держалась в пределах то плюс шести, то плюс десяти градусов. Это был парадокс погоды, когда в квартире было довольно прохладно, а на улице ещё достаточно тепло, будто календарь и климат никак не могли договориться между собой.

В последнее время она совсем перепутала день с ночью и ложилась спать, когда вздумается, точно так же не попадая в общий стабильный ритм. За окнами уже занимался серый рассвет, но в комнате всё ещё было темно, и эта полутьма будто удерживала её в остатке сна, где не нужно было ничего решать.

Её разбудил настойчивый звонок в дверь. Приоткрыв глаза, Елена ещё пару минут пыталась сообразить, где находится, чувствуя, как каждое движение даётся тяжелее обычного — будто за этот месяц она просто растеряла привычку быть собранной. Сон не отпускал её, тянул назад, в тёплую темноту. Она моргнула, пытаясь стряхнуть эту вязкую полудрёму, и провела ладонью по лицу, словно стирая с себя остатки ночи. Наконец она вспомнила вечерний разговор с шефом: курьер должен привезти важный груз. Срочная удалённая работа, критический сбой у домашнего робота — медлить было нельзя.

Огромную коробку в человеческий рост двое курьеров занесли в прихожую. Сунули накладную под роспись и поспешно ретировались — будто спешили поскорее избавиться от тяжелой ноши и не смотреть на растрепанную Елену, которая отчаянно пыталась расправить перекрутившийся поверх ночной сорочки халат. Заперев за ними дверь, она щелкнула выключателем и отрешенно уставилась на посылку, все еще зевая и тщетно пытаясь вырваться из сонных объятий Морфея.

Это была обычная транспортировочная тара из ламинированного картона с крупной надписью: «Не ронять! Хрупкое». Коробку, которую явно вскрывали ранее, чья-то нервная рука безжалостно обмотала скотчем, отчего выглядела она довольно потрепанной. Такая упаковка для бытовых приборов в принципе не рассчитана на долгий презентабельный вид. Видимо, ее собирались утилизировать после истечения гарантии, но в последний момент вытащили из темного угла для повторного использования.

Елена смотрела на двухметровый короб, занявший добрую четверть прихожей, и в голове крутилась навязчивая мысль: она все еще может отказаться. Одно дело — перебирать софт мелкой бытовой электроники, неспешно попивая чай, ведь там цена ошибки минимальна. Но андроид за двадцать миллионов? Это совсем другой уровень ответственности, который сейчас, в состоянии полного выгорания, казался неподъемным. Елена понимала: несмотря на все уступки шефа и его прекрасное отношение к ней, она имеет полное право набрать его номер и сказать: «Извините, Эдгар Петрович, но я это не потяну». И все же... Чтобы отказ звучал аргументированно, нужно было хотя бы взглянуть, что внутри.

Елена обошла коробку кругом, потыкала её пальцами, проверяя наличие пенопластовых ложементов, и вдруг замерла. На одном боку, прямо напротив уязвимого шейного узла андроида, зияла глубокая рваная вмятина. Картон, успевший размякнуть за долгие часы в холодном и сыром фургоне, здесь был пробит насквозь, обнажая крошащийся белый пенопласт.

Внутри вспыхнула робкая, почти детская надежда: если внутренние датчики флагмана разбиты вдребезги, она с чистой совестью зафиксирует брак и отправит этот кошмар стоимостью в хорошую трехкомнатную квартиру прямиком на склад. Никаких обязательств. Никакой ответственности. Можно будет просто лечь спать дальше.

Если бы прямо сейчас здесь был Олег, он бы уже всю строил хитрые планы. Елена почти наяву услышала его самоуверенный голос: «Лен, чего ты на него смотришь? Не тупи! Отремонтируй по-тихому, сдадим в аренду или выставим на закрытый аукцион. Прикинь, сколько бабок поднимем!» Этого человека никогда не волновали ее усталость, закон или риски — только возможность сорвать куш, желательно чужими руками. Елена тряхнула головой, прогоняя навязчивое и чувствуя, как при мысли об Олеге болезненно сжалось сердце. Несмотря ни на что.

Чтобы аргументированно отказать шефу, нужно было заглянуть внутрь прямо сейчас, пока не пропала решимость. Не раздумывая, она выдвинула ящик тумбочки, схватила первое, что попало под руку — маленькие маникюрные ножницы, — и вонзила изогнутое лезвие в плотный слой скотча у края вмятины. Инструмент был слишком хлипким для плотного картона, но для натянутой ленты много усилий не потребовалось: тонкие лезвия с тихим треском прорезали пластик. Этого хватило, чтобы подцепить освободившийся край. Елена потянула его на себя — скотч послушно и шумно пополз следом, с сухим треском отставая от ламинированной поверхности и мгновенно нарушив стерильную тишину квартиры. Звук болезненно отдавался в висках. Он раздражал так сильно, будто мог разбудить кого-то еще, кроме нее самой. Елена на ходу сминала клейкую ленту в неопрятный ком. Тот лип к пальцам, трескуче шелестел и злил еще больше. Отбросив его на пол, она в наступившей тишине порывисто рванула картонные створки в стороны... Перед глазами предстала глухая стена пенопласта, перетянутая широкой полипропиленовой стреппинг-лентой на специальных пряжках. Елена замерла, опустив руки. Быстро содрать эту броню и за пару минут выяснить, цел ли шейный узел, не выйдет. Маникюрные ножницы тут бессильны. Придется поочередно расстегивать каждую пряжку — ведь резать ленту нельзя, если она планирует вернуть груз на склад в первозданном виде. Точнее, можно, если очень хочется, но придется искать новые стяжки, а это было бы для Елены лишним, ненужным телодвижением в ее нынешнем душевном состоянии. На вскрытие уйдет гораздо больше времени, чем она рассчитывала. И тогда она решила умыться, привести себя в порядок и сварить кофе, а уже потом заняться пряжками. Спешить все равно особо некуда. Спать уже перехотелось. Да и с чего она вдруг решила, что все окажется настолько просто как ей хотелось?

Судьба-злодейка оказалась до ужаса последовательной: под пенопластом, по всем правилам транспортировки, скрывалась воздушно-пузырьковая пленка. Та самая обычная «пупырка-антистресс», намотанная в несколько слоев. Под этой последней, полупрозрачной «броней» уже угадывался человекоподобный силуэт. Робот стоял неподвижно — тяжелый, безжизненный и совершенно бесполезный до тех пор, пока его не включат. Чтобы аккуратно, без повреждений снять пленку, Елене предстояло как-то вызволить эту машину из пенопластового кокона.

В очередной раз вспомнились доставщики, которые так подозрительно быстро ретировались, даже не предложив помочь с распаковкой. Теперь все сходилось: они точно видели рваную вмятину на коробке и сбежали, испугавшись разборок за поврежденный груз стоимостью в двадцать миллионов. Наверняка ей бы сейчас пригодился бывший муж — у него-то чего-чего, а силы всегда было хоть отбавляй. Особенно когда он бывал основательно подшофе. «Эта сила как раз сейчас пришлась бы кстати. А то он вечно не знал, куда её девать, когда распускал руки...» — горько подумалось Елене. Только теперь она в полной мере осознала, что любила человека, который умел лишь сбежать от ответственности и разрушать. Ну почему она поняла это так поздно?

Ладно, работа в любом случае нужно было достать. По крайней мере, его шея должна быть доступна для осмотра. Елена уже приготовилась мучиться и вытягивать «пупырку» из зазоров слой за слоем, стараясь не психовать и не рвать пленку. Но, к ее удивлению, стоило пошевелить боковые пенопластовые пластины, как они свободно поддались — стяжная лента их больше не держала. Елена просто вытащила их наружу. В специальной нише одной из пане-

лей обнаружилась плоская коробка с аксессуарами и док-станции. А вот верхнюю крышку снять не удалось: мешал внешний картон, да и сама она слишком плотно сидела на голове андроида. Зато воздушно-пузырьковая пленка поддавалась на удивление легко. Слой за слоем. Снизу вверх.

Еще снимая пленку, она поняла: перед ней не обычная «железяка» с угловатым каркасом, матовым пластиком и поблескивающими хромом шарнирами. Такие привычные детища прогресса уже давно стригли газоны, готовили еду и избавляли людей от рутины. Да и стоили они в разы дешевле той суммы, которую шеф назвал за эту штуковину. Уже на уровне щиколоток Елена разглядела вполне человеческие ступни. Они были покрыты кожей — матовой, с едва заметным рисунком пор, капилляров и вен. Это была не кукольная пластмасса, а безупречная имитация живой ткани. Несомненно, силикон высокого качества. Елена даже коснулась ее пальцами, чтобы убедиться, что глаза не обманывают. Кожа оказалась холодной и слегка влажной. Видимо, за долгие часы в неотапливаемом фургоне под проливным октябрьским дождем сырость все же просочилась сквозь плотную упаковку и осела на поверхности едва ощутимым конденсатом.

Когда последние слои пленки с тихим шелестом опали к его ногам, Елена невольно отшатнулась, больно ударившись правым локтем о стену. Одно дело — читать сухие спецификации универсальных андроидов, представляя их где-то в далеком будущем, и совсем другое — обнаружить в собственной прихожей... это. Почти лицом к лицу. По правде говоря, головы из-под пенопластовой крышки пока не было видно. На поддоне стоял абсолютно нагой мужчина. Точнее — нечто, пугающе безупречно его имитировавшее. Надо отдать должное: создатели флагмана за двадцать миллионов зашли слишком далеко в стремлении скопировать человека, полностью лишив корпус швов и технологических зазоров. Никаких стыков там, где шея переходила в плечи, никаких сочленений в суставах рук или коленей. А вот его нынешние владельцы не стали утруждать себя подбором гардероба для отправки в ремонт. Из одежды на андроиде красовались дешевенькие хлопковые боксеры в нелепую синюю полоску, явно купленные в ближайшем супермаркете. Они хоть как-то маскировали его безупречную анатомию. Внутренний демпфер защитил корпус идеально: даже отсюда было видно, что вмятина на боку короба оказалась не настолько глубокой, чтобы повредить шею.

Елена замерла в ступоре, механически потирая ушибленный локоть. Невзирая на боль, её мысли внезапно — и вопреки всякой депрессии — потекли в совершенно легкомысленное русло. Производитель заложил в цену этого чуда полную имитацию человеческого тела, включая, судя по всему, и самые интимные зоны. И сейчас перед сорокалетней разведенной женщиной в полумраке прихожей стоял «мужчина» с фигурой поджарого фитнес-тренера, у которого — судя по отчетливому рельефу под бельем — с комплектацией всё было более чем в порядке. Любопытно, прежние владельцы доплачивали за эти опции? Неужели они всерьез посчитали, что для пожилой парализованной женщины, которой предназначался робот, это настолько важно?

«Двадцать миллионов, значит, — цинично подумала Елена, с трудом сглатывая слюну. — Идеальный мужик. Молчит, не пьет, выглядит как бог, да еще и укомплектован по высшему разряду. Кое-кто от зависти лопнул бы... Или от ревности, если бы хоть чуть-чуть меня любил». Нелепость ситуации и эта внезапная легкомысленная мысль немного сбили градус паники. Справившись со смущением, Елена шумно выдохнула. Видимых механических повреждений нет. Аргументов для отказа от работы — тоже. Свалить всё на курьеров не получится.

Стараясь не смотреть на рельефный пресс «идеального мужчины», она ухватила за край прозрачного пластикового конверта, торчавшего из-за резинки его полосатых боксеров. Владельцы не придумали ничего лучше, кроме как засунуть сопроводительные документы в такое пикантное место. «Шедевр инженерной мысли стоимостью в полет в космос, — ухмыльнулась про себя Елена. — А инструкцию по эксплуатации ему запихали туда, куда порядоч-

ные люди в мои сорок лет заглядывают только на свидании с продолжением. Надеюсь, хотя бы гарантийный талон находится в более приличном месте». Подавив нервный смешок, она вытянула конверт, достала глянцевые бумаги и развернула сложенный вчетверо лист. Прямо поверх аккуратных заводских схем размашистым, злым почерком была написана претензия. Елена вгляделась в неровные строчки, выведенные шариковой ручкой: «Брак! Системный сбой! Вместо выполнения прямых обязанностей по уходу за лежащим больным (вынос судна, кормление, гигиена), устройство часами неподвижно стоит у окна и смотрит на дождь, на птиц и на природу. При этом практически перестает отзываться на команды. Требуем возврата средств или тщательного ремонта изделия!»

Елена удивленно перевела взгляд с листка на шею робота. Чуть ближе к левому уху она разглядела маленький сегментный индикатор, что был больше похож на татуировку: тридцать восемь процентов. Достаточно для диагностики, но мало для полноценной работы. Справа, точно в таком же симметричном пазу, обнаружилась пиктограмма молнии. Видимо, именно там скрывалась утопленная кнопка включения... Внутри наконец-то зашевелился профессиональный азарт, вытесняя липкую апатию. Искусственный интеллект за такие бешеные бабки зависал, просто глядя в окно? Для андроида подобного класса это было технически абсурдно.

В мануале сразу бросилось в глаза предупреждение: при перемещении андроида с мороза в теплое помещение необходимо дать ему прогреться до комнатной температуры. Подавать питание раньше запрещалось во избежание образования внутреннего конденсата. Ниже сообщалось, что утопленную кнопку на шее нужно удерживать пять секунд. Помимо этого, инструкция упоминала возможность отключения согласованной голосовой командой. Кодовым словом. Интересно, какое именно слово выбрали владельцы? Насчёт конденсата Елена не переживала: пока курьеры везли коробку в закрытом фургоне, робот вряд ли успел промерзнуть насквозь. Не раздумывая больше, она потянулась к пиктограмме молнии и вдавила кнопку. Один. Два. Три. Четыре. Пять.

Сперва ничего не произошло. Тишина в прихожей сделалась такой плотной, что Елена на секунду испугалась. А вдруг он мертв? Не сломан, а просто пуст — без прошивки и ядра, словно дорогая безжизненная оболочка.

А затем тихо шелкнуло. В глубине грудной клетки басовито загудело. Вдоль шкалы индикатора на шее пробежала зеленая неоновая полоса и замерла на прежней отметке. Где-то внутри корпуса, глубоко, повернулся первый механизм. Следом — второй, третий. Андроид будто по очереди активировал узлы, проверяя суставы. Пальцы правой руки дрогнули, словно тестируя подвижность фаланг. Вдруг он резко выпрямился и с глухим стуком уперся макушкой в массивную верхнюю панель пенопласта, которая и без того закрывала ему почти все лицо до самого подбородка.

— Визуальный анализатор сообщает о девяностопятипроцентной темноте! — раздался приглушенный пенопластом бархатистый мужской баритон. — Я заперт в узком саркофаге? Почему выключили свет?

— Свет включен, чудо техники, — прыснула Елена. — Просто у тебя крыша поехала. А ну-ка, шагай вперед из коробки, я её с тебя сниму.

Андроид послушно двинулся на голос. Сделав широкий, избыточно мощный шаг, он с треском разломал нижний поддон упаковки. Картон за его спиной оглушительно зашуршал. «Чудо-мужчина» тяжело шагнул наугад, едва не наступив Елене на домашний тапок, и замер вплотную, нависая над ней всей своей атлетической фигурой в трусах и с куском пенопласта на голове. Елена оказалась прижата к стене. Спереди её подпирала твердая грудь андроида, от которого всё еще веяло уличной прохладой, сыростью и тонким запахом новой резины. Стоило немного опустить взгляд, как прямо перед глазами во всей красе представляли рельефные кубики пресса. Ситуация становилась максимально нелепой.

— Так, стой на месте, не двигайся! — скомандовала она, боком выбираясь из «плена». Поднявшись на цыпочки, Елена ухватила обеими руками за края пенопластового блока. Тот сидел плотно. Пришлось с силой потянуть его вверх, отчаянно пытаясь удержать равновесие. С глухим звуком «чпок» причудливый шлем наконец поддался и соскочил с головы. Несколько круглых белых крошек забавно застряли в его взъерошенных светлых волосах, оттенка выгоревшего на солнце блонда. Линзы в глазах андроида мгновенно зажужжали, настраивая фокус. Голубоватое свечение оптических датчиков плавно угасло, и на Елену устремился пугающе живой, глубокий человеческий взгляд.

В то же мгновение у неё подкосились колени, и Елена малодушно «поплыла». Фундаментальные мысли о работе и приличиях рухнули с оглушительным треском. По сосудам в районе диафрагмы плеснуло чистым животным кайфом и ушло ниже, отзывавшись приятным спазмом в животе. Пока инженерный опыт забивался в глухой истерике, тело само сделало все выводы от одного вида этого мужчины. Елена замерла, силой заставляя себя стоять ровно и держать лицо. Получалось с трудом: её собственное воображение уже вовсю размахивало сорванной одеждой и дико гикало, как пьяная человеческая самка на мужском стриптизе.

По человеческим меркам, на первый взгляд, ему на вид было немного за тридцать. Уже не мальчик, но еще и не зрелый мужчина. Эдакий колоритный средний возраст, когда внешность и жизненный опыт в полной мере многогранно раскрывает личность.

Андроид медленно опустил глаза, оценивая обстановку. Сначала он посмотрел на Елену, затем перевел взгляд вниз — на свои голые ноги и синие полосатые боксеры супермаркетного бренда. Помолчав, снова взглянул на Елену. Его брови заметно приподнялись, а на красивом лице отразилось искреннее программное недоумение. Ни дать ни взять — Дейта из «Старт-река»!

— Профиль... «Хозяин»? — медленно и озадаченно произнес он всё тем же баритоном, явно не узнавая окружения. — Анализ текущего статуса завершен. Сканирование подтверждает, что я нахожусь в жилом помещении. Подскажите, эти трусы — часть обязательного корпоративного дресс-кода вашей организации или у нас запланирована водная процедура по классу IP68?

Елена закусила губу, из всех сил стараясь не расхохотаться в голос прямо перед этим электронным Аполлоном. Серьезный, глубокий баритон, вещающий про класс защиты IP68 из копеечных трусов, — это был шедевр! Но когда андроид медленно перевел светящиеся голубые линзы с резинки боксеров прямо на неё, улыбка Елены мгновенно улетучилась. Она вдруг остро, до мурашек, ощутила разницу между ними. Перед ней стоял венец инженерной мысли — красавец без единого изъяна, с кубиками пресса, высеченными словно из мрамора. С внешностью из тех, что даже в большой толпе сразу бросалась в глаза. Скулы были очерчены чётко, но не грубо: в этой скульптурности чувствовалась продуманность. Прямой нос и идеально выверенная линия губ добавляли образу благородной собранности, а едва уловимая асимметрия — всего на долю миллиметра — не портила, а, напротив, спасала от ощущения бездушного манекена. В ней сквозила почти человеческая индивидуальность, будто в конструкцию намеренно заложили эту тонкую неправильность, чтобы сделать его... настоящим. На таких мужчин Елена обычно смотрела на жестких внутренних тормозах, не давая воли воображению. Чтобы не влюбиться. Но здесь вдруг все пошло наперекосяк. Ведь она была живой... Слишком живой для этого одержимого худобой мира, где глянцевые стандарты требовали от женщин прозрачности, острых ключиц, увеличенных губ и удаленных комков Биша. Елена всегда оставалась «не в формате». Её аппетитные округлые формы, свои, без всяких имплантов, которые в прежние века воспевали бы художники вроде Рубенса, в эпоху тотального фитнеса приносили ей только комплексы. В её фигуре была та самая живая, тёплая полнота, что раньше считалась знаком здоровья и женской силы: мягкие, выразительные линии плеч и рук, плавный изгиб талии, который не стремился превратиться в жёсткий силуэт, а оставался округлым и естественным.

У неё было открытое, очень русское лицо — с чуть заметной румянностью, которая то вспыхивала, то пряталась, выдавая каждую эмоцию; с крупными, добрыми чертами, не подходившими под современные стандарты «острой» красоты. В её чертах читалась какая-то внутренняя щедрость — будто она и сама готова была обнять весь мир, и оттого любые попытки загнать её в рамки казались особенно жестокими.

Слишком часто прилетало ей за этот «лишний вес». От коллег, прячущих критику за дежурными шутками и деликатно вздыхающих над её порцией обеда. Дававших рекомендации будто между прочим: заменить мясную котлету отварной индейкой, макароны — овощами аль денте, а заварное пирожное — ягодами или фруктами. И от Олега, который ближе к расставанию уже не стеснялся едко замечать, что в дверной проём они скоро будут проходить по очереди.

Но при всей этой уязвимости в ней оставалось что-то упрямое и сильное: когда она выпрямлялась, в её осанке проступала спокойная уверенность женщины, которая знает себе цену, даже если мир настойчиво пытается убедить её в обратном. И в те редкие минуты, когда

никто не смотрел, Елена позволяла себе эту гордость — и тогда её округлые формы переставали быть поводом для стыда, а становились частью её характера: мягкой, но несгибаемой.

Однако, сейчас, под голубыми цифровыми очами андроида стоимостью с полноценный прогулочный катер или поддержанную яхту, она инстинктивно попыталась прикрыться руками. Ей отчаянно хотелось спрятать под стареньким вязокстым халатом свои пышные бедра. Длинные темно-русые вьющиеся волосы рассыпались по плечам, а большие зеленые глаза округлились в страхе. Елена замерла, в ожидании, что сейчас эта идеальная машина выдаст какую-нибудь безжалостную бестактность — системную сводку о проценте ее подкожного жира или избыточном индексе массы тела. При этом в его взгляде одновременно читались вызов и нежность — будто он и хотел поддразнить, и тут же боялся обидеть. Глаза были чуть раскосые, с выразительно приподнятыми внешними уголками; из-за этого даже спокойный взгляд казался чуть игривым, а иногда — по-настоящему колючим.

— Представиться для начала не желаешь, чудо в... трусах? — выдавила она, стараясь смотреть роботу исключительно в переносицу. По крайней мере так взгляд не косил ниже его ключиц.

— Идентификация запущена, — невозмутимо отозвался андроид, даже не моргнув. — Модель АДМ-ноль-четыре-Ф. Базовая прошивка «Социальный ассистент». Заводское имя, присвоенное партией — Адам. Готов к выполнению своих прямых функций. Какими будут ваши распоряжения?

— Отлично, Адам. Я — Лена. Первое распоряжение: стой на месте и не отсвечивай. Мне нужно сделать тебя... чуть менее анатомичным.

Смотреть на его обнаженное тело в прихожей становилось невыносимо. Разум IT-инженера пасовал перед инстинктами, которые упорно твердили: посреди коридора стоит почти голый мужик, хотя у них даже не было свидания. Елена резко развернулась и почти бегом бросилась в спальню, к платяному шкафу. Где-то там, на полке, всё еще лежал темно-синий махровый халат Олега. Бывший не забрал его при переезде, сочтя слишком старым и заносенным. Наверное, к лучшему... В припадках тоски она часто клала этот халат на соседнюю подушку, когда ложилась спать. Ей отчаянно не хватало его запаха. И именно в нем всё еще жил эфемерный образ любимого мужчины, которого уже не было рядом. Именно он помогал вспоминать что-то особенное, цепкое, в осанке, взгляде, в его трехдневной небритости и темных волосах до плеч.

Елена вернулась в прихожую через минуту и сердито ткнула халатом Адаму в грудь:

— Надень. И завяжи покрепче.

Андроид перехватил вещь обеими руками. Его сервоприводы сработали почти бесшумно, и спустя несколько секунд он уже стоял в темно-синей махровой ткани. Зрелище получилось еще более нелепым, чем в трусах: на широких плечах Адама халат Олега натянулся до треска в швах, а рукава едва доходили до середины предплечий, обнажая сильные, жилистые запястья. До появления в квартире этого высокотехнологичного гостя Елена и не думала, что её бывший вовсе не был богатырем. На Олеге этот халат буквально висел мешком, хотя тот и казался тогда таким солидным, уютным... Однако теперь контраст оказался убийственным. В поношенных вещах прежнего хозяина робот выглядел куда более мужественно, чем сам Олег.

Адам уткнулся носом в воротник. Его ноздри едва заметно вздрогнули, имитируя вдох, а линзы в глазах с тихим жужжанием сфокусировались на Елене.

— Фиксация обонятельных данных завершена, — невозмутимо выдал его баритон. — Тканевый носитель содержит следы мужского парфюма низкого ценового сегмента, высокую концентрацию никотиновых смол и зашкаливающий уровень кортизола. Профиль «Лена», согласно моему архиву, аналогичный ольфакторный коктейль исходил от зятя моей подопечной, Алевтины Марковны, непосредственно перед тем, как он украл её пенсионную карту. Этот субъект является деструктивным элементом.

Елена замерла с открытым ртом, ошарашенная такой точностью анализа. Черт побери, а ведь ей нравился этот запах!.. Машина за секунду разложила любовь всей её жизни на дешевый одеколон, табачный дым и гормон стресса. По сути, приравняв Олега к вору и деструктивному элементу.

— Тебя не спрашивали... — выдохнула она.

Но Адам уже сделал шаг ближе, беспардонно наклонившись к её лицу. Расстояние между ними сократилось до непозволительного. Елена невольно снова вжалась спиной в стену, шумно сглотнув. Ее глаза оказались на одном уровне с его оптическими датчиками. Голубоватый свет камер сканировал зрачки, лицо и, казалось, всю её фигуру с тем непередаваемым озорством, от которого хотелось смущаться. Она приготовилась услышать очередную порцию сухой критики — настолько мир приучил её защищаться. Но Адам лишь мирно мигал индикаторами. В его программе не было никакой предвзятости, моды на анорексию или человеческой жестокости.

— Внимание, — негромко произнес Адам. — Зафиксировано критическое расширение зрачков и учащение пульса профиля «Лена». Выполняю калибровку визуального анализатора под индивидуальные параметры... Оценка эстетических данных: погрешности отсутствуют, вы полностью симметричны. Дополнительный визуальный и термический анализ завершен. Наблюдаются бледность кожных покровов, микротремор пальцев и легкий нистагм. Также зафиксированы расширение сосудов склеры и повышенное потоотделение.

При этих словах индикатор у него на шее вдруг выдал кратковременный оранжевый сполох.

Он сделал крошечную паузу, и его баритон стал еще более заботливым:

— Симптоматика на восемьдесят семь процентов совпадает с гипертоническим кризом Алевтины Марковны от четырнадцатого сентября. Позвольте уточнить: требуется ли вам экстренное введение гипотензивных препаратов, или мы сразу перейдем к процедуре постановки очистительной клизмы и фиксации судна?

— Какая еще клизма?! Какое еще судно?! Стоять! — Елена в ужасе отшатнулась от андроида, выставив вперед ладони, словно защищаясь от надвигающейся медицинской катастрофы.

Похоже, этот Аполлон — робот до мозга костей и шутить не умеет в принципе. И вдруг её осенило. Она вспомнила вчерашний разговор с Эдгаром Петровичем. Шеф, настойчиво требуя взять этот заказ на дом, упоминал, что владельцы Адама — какие-то суровые столичные дельцы. Они покупали андроида с расширенным функционалом специально для ухода за парализованной матерью. Но вместо профессиональной заботы робот начал выдавать странные фокусы. «Так вот кто у нас Алевтина Марковна...» — догадалась Елена, глядя на застывшего в синем халате Адама. Владельцы отправили машину в ремонт, но не подумали очистить кэш, что в принципе логично, учитывая их состояние аффекта. А в итоге продвинутый искусственный интеллект теперь проецировал старые медицинские протоколы на любого, кто казался ему уставшим или больной.

— Никаких клизм, Адам, — уже строже произнесла Елена, беря себя в руки как инженер, но всё же чувствуя, как к щекам приливает жар. — Моё давление в норме, я просто не выпалась. Твоя медицинская практика в этой квартире временно приостановлена. Сейчас ты пойдешь вон туда, в комнату, сядешь и будешь ждать, пока я не позавтракаю.

Андроид послушно развернулся и зашагал в гостиную, таща за собой прилипший к пятке ком скотча... Заметив несколько предметов мебели, куда потенциально можно было бы сесть, он начал крутиться от одного к другому: замер перед креслом, будто считывал с него инвентарный номер, потом метнулся к дивану, тут же отступил, словно внутренний алгоритм подсказал: «Не соответствует заданным параметрам», потом снова вернулся к креслу, потом скользнул взглядом по стулу у компьютерного стола и презрительно (насколько позволяла его бесстрастная мимика) отмел эту затею. Он замер, просчитывая углы, высоту и, вероятно, даже коэффи-

циент трения обивки — и всё это выглядело так, будто ему выдали задачу «сесть» в формате строгого технического задания, где не было пункта «просто выбери, где удобнее».

Это зрелище спровоцировало у Елены приступ такого безудержного, искреннего смеха, что она согнулась почти пополам. А Адам остановился на полпути. Сперва движением головы, а затем и всем телом он повернулся к ней и склонил голову набок, изучая эту внезапную реакцию с таким видом, словно пытался рассчитать её смех по какой-то сложной геометрической диагонали.

— Профиль «Лена», на какой предмет мне необходимо сесть? — произнес он ровным голосом. Однако хозяйка квартиры уловила в нем беспомощность робота, который воспринимает все приказы буквально. Если бы человек выбирал себе место, то он бы сел куда удобно. А андроид растерялся... Первое впечатление о его человечности было немного подпорчено.

Елена смотрела на стоявшего столбом Адама, все еще смеясь, потому что по мере её движения робот послушно поворачивался следом, тихо шурша скотчем по ламинату... Елена, всё ещё давясь смехом, махнула рукой в сторону гостиной, не сводя глаз с этой нелепой, безупречной фигуры, которая выглядела как супергерой, внезапно забывший, как пользоваться дверными ручками. В нём было столько сосредоточенной серьёзности перед лицом бытовой катастрофы, что смеяться хотелось ещё сильнее.

— Ты можешь сесть в кресло, — наконец сказала она, справившись с приступом смеха, и стараясь говорить так, будто отдаёт обычную техническую команду, а не спасает робота от паники из-за выбора мебели. — Просто... сядь.

Адам тут же кивнул, получив долгожданные координаты, и сделал шаг к креслу — и тут же скотч снова громко «чпокнул», будто решил напомнить о своем присутствии.

Елена только покачала головой, пряча улыбку, и наконец шагнула к кухне — но не потому, что хотела уйти, а потому, что если бы осталась стоять там ещё хоть минуту, то снова бы расхохоталась, а тогда уже точно не смогла бы ничего объяснить этому дотошному, очаровательно беспомощному андроиду.

Оказавшись на кухне, Елена шумно выдохнула, впервые после разлуки с Олегом почувствовав эмоциональное облегчение. И... внезапно поняла, насколько ей сейчас не до эстетики. Развод просто выбил её из колеи, за последнее время превратив в тень самой себя, а квартиру — в филиал ленивого апокалипсиса. На столе громоздились коробки от пиццы, в раковине выросла гора немытой посуды. Для полного антуража не хватало только тараканов, мух и злобно смеющегося загробного голоса из невидимого динамика.

Собрав волосы в косу, Елена включила чайник и открыла холодильник в поисках хоть какого-то завтрака. За окном, кажется, наконец взошло солнце, неохотно разгоняя дождевые тучи и на кухне стало светлее.

— Внимание. Запущен экспресс-анализ эпидемиологической обстановки, — раскатисто раздалось всего в полуметре от неё. — На объекте «Кухня» зафиксирован критический уровень антисанитарии. Обнаружено тридцать две единицы грязной посуды, колонии плесневых грибов рода *Penicillium* на остатках пиццы «Четыре сыра», а также популяция дрожжевых микроорганизмов в кружке с надписью «Лучший IT-специалист». Данная экосистема способна обрести зачатки коллективного разума в ближайшие сорок восемь часов.

Елена захлопнула холодильник и, инстинктивно прикрывая рукой кружку, воскликнула:

— Я же велела ждать в комнате!.. Это творческий беспорядок! Стоп, это же ты пошутил, да?.. А, не важно.

Комплексы неряхи тут же зашевелились внутри с новой силой, подзуживаемые идеальным тоном робота.

— Это вообще не твое, типа, робо-дело, ясно?

— Профиль «Лена» находится в зоне риска, — будто обиженно вымолвил Адам, сделав шаг вперед. Скотч на пятке звучно подтвердил: «Ваааап!». — Употребление пищи в окружении

патогенной флоры снижает ваш иммунитет на четырнадцать процентов. Предлагаю активировать протокол «Генеральная уборка». Мои манипуляторы способны отмыть сковороду от пригоревшего жира за сорок три секунды — без потери полировки и антипригарного покрытия.

— Не надо никакой уборки... пока, — ответила Елена.

В голове она уже прокрутила эту мысль и решила, что идея в принципе неплоха. Раз уж робот здесь, почему бы ему не помочь? Баш на баш.

— Я сейчас что-нибудь съем и пойду еще посплю, — сказала она. — А ты... ничего не трогай. Увижу, что переставил хоть одну чашку — сдам на запчасти Эдгару Петровичу, усёк? Иди в комнату и жди там.

— Принято. Перехожу в режим энергосбережения и пассивного наблюдения, — приглушенно отозвался Адам и пошлёпал босыми ногами обратно в гостиную, печально шурша нелепым куском скотча на пятке.

Глава 2: «Директива три-ноль-два»

Проснулась Елена часа через четыре от непривычного, почти пугающего ощущения. В квартире пахло морозной свежестью и легким, едва уловимым ароматом лимонного моющего средства.

Елена выскочила из-под одеяла прямо в халате. Так как в квартире было прохладно, она просто использовала домашнюю одежду вместо пижамы. Торопливо расправив перекрутившуюся ткань, она поспешила на кухню, поскольку в гостиной Адама не оказалось.

И замерла на пороге, протирая глаза.

Кухня сияла. Нет, она буквально ослепляла чистотой. Гора посуды исчезла — идеально чистые тарелки стояли ровными рядами на сушилке, отражая дневной свет. Сковорода блестяла так, словно её только что привезли из магазина. На столе — ни крошки, а коробки от пиццы были аккуратно спрессованы в плотные кубики и упакованы в мусорный пакет.

Сам Адам стоял у окна, по-военному заложив руки за спину. На его пятке больше не было скотча — робот аккуратно утилизировал ленту. Андроид медленно повернул голову к Елене, и его линзы мягко мигнули голубым.

— Системное уведомление, — негромко, с неуловимым торжеством произнес он. — Протокол «Генеральная уборка» завершен втайне от хозяина. Вероятность того, что вы сдадите меня на запчасти, снизилась на девяносто восемь процентов. Желаете ли вы, чтобы я проанализировал состав вашего холодильника на предмет токсичных продуктов?

— И в кого ты такой самостоятельный? — произнесла Елена, впрочем, не ожидая ответа.

Вечер опустился на город вместе с густым, промозглым туманом. Укутавшись в теплый плед, Елена сидела на диване и удивленно, с удовольствием наблюдала за Адамом. Андроид, игнорируя её ворчание, методично протирал пыль на самых верхних полках, куда сама она могла добраться только с помощью стремянки и пары акробатических трюков. Он складывал разбросанные вещи с точностью, которой позавидовал бы лучший работник прачечной. При этом двигался робот с непередаваемой кошачьей грацией, периодически проверяя на прочность старый халат, который опасно натягивался на его рельефной спине.

Идиллию разрушил резкий, требовательный звонок в дверь. Сердце пропустило удар, и она подскочила от неожиданности, ведь никого не ждала и не приглашала.

На пороге стоял Олег. Растрёпанный, небритый, пахнущий дешёвым пивом и осенней сыростью — будто несколько дней подряд не выбирался из своего прокуренного гаража. В нём ещё угадывалась та самая хищная стать: острые, будто высеченные резцом скулы, тяжёлый, пристальный взгляд из-под густых, чуть сведённых бровей, резкая линия челюсти — в этих чертах сквозила природная выразительность, словно он рождён был для крупных планов, где достаточно одного поворота головы, чтобы зал замер. Только сейчас эта выразительность не пленяла, а пугала: она была измята усталостью и алкоголем, как дорогой костюм, проношенный до дыр. Обычная его трёхдневная небритость переросла брутальный рубеж, превратившись в жёсткую бороду.

Он даже не удосужился вытереть ноги — сразу шагнул в прихожую, бесцеремонно оттеснив Елену в сторону, будто его по-прежнему здесь ждали, как в те времена, когда он открывал дверь собственным ключом и чувствовал себя здесь хозяином. — Привет, Алёна, — заговорил он тихо, почти пробурчал, и от этого тихого голоса сразу стало не по себе: в нём слышалась не усталость, а затаённая злость, которая только искала повод вырваться наружу. — Я за вещами... Ключ от машины где-то тут оставил.

— Сдашь её в ремонт, что ли? — скрывая настороженность, почти холодно спросила Елена, скрестив руки на груди и не двигаясь с места. Она стояла ровно, но пальцы под локтями сжимались всё крепче, будто так можно было удержать себя от дрожи.

— Нет, мы с ребятами её сейчас попробуем завести и поставить в гараж. Сам попробую покопаться. Ты же знаешь, что она давно уже мне мозг выносит. Надо проверить фильтры, свечи заменить... Решил вот заняться извозом, пока нормальную работу не найду. Я... — вдруг Олег осёкся на полуслове. Его взгляд сфокусировался на чём-то позади Елены. Лицо дёрнулось, как от удара током и перекосилось. — Это ещё кто такой?

Из комнаты бесшумно вышел Адам и застыл в проходе, бесстрастно заложив руки за спину. На мгновение повисла гробовая тишина, в которой слышно было только, как где-то в соседней квартире щёлкнул замок и зашуршали шаги на лестничной клетке. Олег ошарашенно переводил взгляд с лица андроида на свой старый синий халат, который сидел на незнакомце как хороший костюм — ровно, без единой складки, будто был сшит специально под эту фигуру.

Физиономия бывшего мужа начала медленно наливаться багровым цветом. Непонятно, что сдетонировало в нём первым — ревность, комплексы или уязвлённое эго. Он сделал шаг вперёд, и в этом шаге было столько тяжести, что половицы под ним тихо скрипнули. Он ткнул пальцем в Адама и заговорил, повышая тон голоса, в котором сквозили металлические нотки, хорошо знакомые Елене:

— Почему он в моём халате?.. Он твой новый хахаль?

— Олег, ты ведь нашёл себе подругу ещё до того, как мы расстались. Халат ты бросил, сам сказал, что он тебе не нужен, — ответила Елена, стараясь говорить ровно, но в горле стоял ком, мешавший словам звучать уверенно.

— Так я думал, что ты его выбросишь, не будешь его паялить на всех своих новых дружков. Проявишь ко мне хоть какое-то уважение... А что, у него нет денег на собственную одежду, или тебя так приспичило по-быстрому раздвинуть ноги, что он даже не успел переодеться в свои тряпки?

— Олег, тебя это вообще не касается, — сдавленно ответила Елена. Она понимала, что Олег сейчас в том состоянии подпития, когда из любой ситуации очень быстро способен затеять скандал. Если раньше, ещё с порога, она не заметила этого, то сейчас это бросалось в глаза: зрачки у него были расширены, веки припухли, а пальцы слегка подрагивали, будто ему не хватало чего-то, чтобы унять эту мелкую, нервную дрожь. И теперь Елена с запозданием горько пожалела о том, что вообще открыла ему дверь.

— Ключи от моей машины где? — уже в надрыв громко заговорил Олег, и этот крик ударил по ушам, как резкий, неприятный звук старой сигнализации.

— Не тяни время!

— Рекомендую не повышать голос, — предупредительно отозвался Адам, не меняя позы, но в его голосе появилась едва уловимая, стальная жёсткость, будто кто-то повернул регулятор тембра на несколько делений вниз. — В подъезде стоят камеры наблюдения, и я могу прямо сейчас вызвать наряд полиции...

— И что, что они стоят?! — тем же тоном перебил его Олег, всем телом дерзко подаваясь к нему. — Они мой голос запишут, да?.. И что мне будет за это? Знаешь, сколько лет эта тупая корова и весь подъезд слушали, как я ставлю ее на место?..

Елена вздрогнула, будто от пощёчины, но не шелохнулась. Ей хотелось закричать, чтобы он замолчал, но голос будто застрял где-то глубоко в груди.

— А что ты мне сделаешь? — продолжал Олег, распаляясь всё сильнее, и теперь в его взгляде было уже не просто раздражение, а настоящая, слепая ярость, которая искала, за что зацепиться. — Знаешь, я тут хозяин был, пока она... пока она все не развалила! Мы здесь прожили одиннадцать лет, с этой... как оказывается, шлюхой. Да? — Это «да» уже было адресовано Елене. Внезапно Олег обернулся к ней и грозно посмотрел ей в глаза, будто пытался сломить ее своей пьяной истерикой. Рот его оскалился. Казалось, в своем хмельном угаре он совсем забыл, за чем пришел, окончательно теряя контроль над собой.

Он протянул руку к груди Елены и сгрёб пальцами ткань ее домашней одежды, больно зацепив кожу под ней. Тряхнул её, как рождественскую ёлку, которую пытаются поставить ровно, но она всё равно падает.

В её поджилках тут же забилась новая волна предательской дрожи — резкий прилив адреналина сковал тело и ослабил ноги. Она слишком хорошо помнила, какой тяжёлой бывала его рука в такие минуты. Когда из ласкового котёнка он по щелчку превращался в разъярённого монстра, стоило лишь сказать что-то не то.

— Чего ты вылупилась, шкура? — Олег окончательно потерял контроль над своей яростью и замахнулся, широким, жёстким движением намереваясь ударить Елену по лицу. — Я тебе сейчас популярно...

Договорить он не успел. В ту же секунду между ними тёмной молнией возник Адам. Ладонь робота с глухим костяным стуком перехватила запястье Олега в полёте — в нескольких сантиметрах от щеки, залившейся адреналиновым румянцем.

— Отпусти!.. Пусти, сука, больно! — взвыл Олег, моментально протрезвев. Хватка была такой, словно руку зажало в гидравлических тисках строительного пресса. Олег отчаянно пытался вырваться, второй освободившейся рукой пытался содрать с себя удерживающую твёрдую длань, но андроид даже не пошевелился. Линзы в его глазах внезапно сменили мягкое голубое свечение на предупреждающий, холодный неоновый-красный цвет. Глубокий баритон зазвучал с пугающей, вибрирующей мощью сабвуфера, от которой задрожало зеркало на шкафу в прихожей.

— Внимание. Зафиксирована прямая угроза физической целостности профиля «Лена». Согласно директиве, три-ноль-два «Защита Хозяина», уровень допустимого противодействия повышен до сублетального. Биометрический анализ нападающего: рост — сто семьдесят восемь сантиметров, плотность костей — ниже средней, мышечный тонус — деградирующий. Вероятность успешного перелома лучевой кости при увеличении давления на три процента составляет девяносто девять целых и восемь десятых процента. Желаете услышать характерный хруст?

Андроид слегка повернул голову в сторону отошедшей подальше и ошалевшей от ужаса Елены. В этой короткой паузе было видно, как у Олега глаза вылезли из орбит и слышно, как участилось дыхание — короткие, рваные вдохи, будто он только что выскочил из ледяной воды. Он побелел как полотно. Теперь и у него колени мелко задрожали. Он диким взглядом уставился на багровые круги в глазах Адама и наконец понял, что этот «мужик» даже не моргает.

— Адам, стой! Не надо ломать ему руку! — сиплым от шока голосом выдохнула Елена. — Просто... выстави его за дверь, и пусть катится куда хочет.

— Принято. Корректировка протокола, — красный свет в глазах андроида сменился прежним — голубым.

Адам легко, словно Олег весил не больше кошки, развернул его к выходу и придал легкое ускорение аккуратным пинком под зад. Бывший кубарем вылетел на лестничную клетку, едва успев подхватить ключи от машины, которые андроид швырнул вслед с идеальной баллистической точностью.

Дверь с хлопком закрылась.

В прихожей снова стало тихо. Елена стояла, скрестив руки на груди и прижав кулак к губам, словно всё ещё защищая самые уязвимые места. Её била крупная дрожь. Ноги отказывались держать, и она медленно осела на тумбочку.

— Биологические показатели профиля «Лена»: адреналин повышен на двести процентов. Требуется стабилизация нервной системы, — произнес андроид, внимательно сканируя её фигуру.

— Лена... Зови меня просто Лена, — ослабевшим голосом отозвалась она.

— Принято, Ле-ле-лёна. Рекомендую принять седативный препарат, а затем — горячий чай с ромашкой и углеводный десерт. — отозвался он, внезапно заикаясь. Робот бессознательно перехватил инициативу, забав у Олега право на это имя, и пересобрал его по-своему.

— У... у меня чай с ромашкой закончился, — тихо произнесла Елена. «Да у меня его никогда и не было», — отрешенно подумала она, глядя в пустоту перед собой.

Андроид, которого она еще утром проклинала и собиралась вернуть на сервисный склад, за один день успел защитить её и в одиночку ликвидировать разруху на кухне. Привычная картина мира трещала по швам даже сквозь оцепенение. Её всё еще трясло, но Елена уже понимала: старая любовь, которую она так долго и бережно лелеяла, отступает, унося с собой свинцовую тяжесть из груди. Сегодня Олег в полной мере доказал, что расставание было неизбежным итогом этих отношений с горьким привкусом абьюза. Его «забота» всегда пахла тем же страхом, что и вспышки ярости. В каждом ласковом слове ей слышался обратный отсчет до новой грозы: «Я же о тебе забочусь!». Она слишком хорошо помнила его привычку нависать над ней, заполнять собой всё пространство и требовать немедленного ответа.

Поглядев на неподвижно стоящего робота, Елена вдруг осознала: дело вовсе не в том, насколько он похож на человека. Дело в том, что он предлагал защиту и близость, даже не двигаясь с места. Он просто был рядом — готовый реагировать, подстраиваться, заслонять собой от ударов, даже когда его об этом не просили. Какая именно ошибка в коде заставила эту машину защищать её с такой... человеческой яростью?

Пока Олег на улице, многоэтажно матерясь, растирал запястье и собирал в кучку остатки своего уязвленного мужского достоинства, Адам пошел на кухню, чтобы воплотить рекомендации в жизнь. Он деловито осмотрел аптечку с лекарствами. Безупречно. Обследовал полки с запасами кофе и чая. Выглядел он при этом как шеф-повар мишленовского ресторана, случайно забредший на огонек к простым смертным. И общий антураж немного портил выдавший виды синий халат вместо накрахмаленной поварской формы.

Елена же на негнувшихся ногах доплелась до дивана и буквально рухнула на него, натаскивая на себя плед. Щеки всё еще полыхали от огромной дозы внезапного стресса, но тело мерзло, а мышцы судорожно подергивались, будто в лихорадке. Она сидела неподвижно несколько минут, чувствуя, как уходит острая волна паники и наступает странное остывание после вспышки: дрожь ещё пробежала по плечам, но уже не владела ею целиком, постепенно сменяясь сонной апатией.

— Запуск протокола «Антистресс», — невозмутимо продекламировал Адам, вырывая её из объятий накатившегося бессилия.

Он держал в руке чашку.

— Чай черный, байховый. Температура подачи — семьдесят два градуса. Оптимально для минимизации термического ожога ротовой полости при судорожном заглатывании.

Елена молча уставилась на поднимающийся над чашкой пар. Адам держал кружку за бока, оставив ручку свободной. Она перехватила её своими дрожащими пальцами, но ответить ничего не смогла — в горле стоял плотный ком.

— Дополнительное уведомление, — андроид плавно наклонился, упершись руками в колени, и снова нарушил все мыслимые границы её личного пространства. — Анализ содержимого кухонных шкафов и холодильника выявил один килограмм пшеничной муки, несколько яиц категории С1 и половину банки сгущенного молока с истекающим через трое суток сроком годности. Мои вычислительные мощности позволяют рассчитать идеальные пропорции для выпекания маффина на скорую руку в вашей микроволновой печи. Время приготовления — три минуты четырнадцать секунд. Уровень эндорфинов в вашей крови гарантировано вырастет. Желаете углеводную бомбу быстрого действия?

— Да, было бы здорово... — едва слышно отозвалась Елена.

— Лёна, и еще я провёл первичный аудит вашего домашнего медицинского бокса, — ровно произнес его глубокий баритон, а корпус выпрямился. — Текущее состояние содержимого не соответствует минимальным стандартам Директивы три-ноль-два по обеспечению безопасности пользователя.

Елена удивленно приподняла бровь:

— И что же там не так? Обычная аптечка.

— Восемьдесят два процента находящихся там препаратов имеют истекший срок годности, — бесстрастно отрапортовал андроид. — Базовые сорбенты, анальгетики и спазмолитики зафиксированы в статусе неликвидных. С точки зрения экстренной помощи этот набор сейчас — функциональное плацебо. В случае внезапного болевого синдрома или пищевой интоксикации система не сможет купировать риски.

Он чуть наклонил голову, словно зачитывая строчки из встроенного справочника:

— Настоятельно рекомендую пополнить бокс свежими препаратами первой необходимости. Я уже сформировал оптимальный чек-лист: антигистаминные, современные жаропонижающие, средства для стабилизации давления и сорбенты нового поколения. Если вы предоставите доступ к вашему аккаунту аптечной службы, я могу самостоятельно оформить заказ и проконтролировать доставку. Моя задача — минимизировать риски для вашего здоровья. Даже когда вы считаете, что полностью здоровы.

Елена внимательно посмотрела на его красивое лицо, волевой подбородок, высокий лоб и ровное мерцание голубых линз, в которых не было ни капли издёвки. Только чистая, абсолютная забота — пусть и механическая, обусловленная софтом.

Голубые линзы мерцали ровно, без суеты, но в их холодном сиянии угадывалась энергия — не мимика, а сама геометрия взгляда: резкий угол, точная фокусировка. Казалось, кто-то взял харизму яркого, темпераментного человека и перевёл её на язык механики: вместо улыбки — лёгкое изменение интенсивности свечения, вместо вдоха — едва уловимое движение сервоприводов в области груди. И именно это сочетание — стальной собранности и тёплой, почти озорной искры во взгляде — заставляло Елену смотреть на него дольше, чем следовало бы, и чувствовать, как внутри медленно тает лёд привычного страха и тает сердце, не смотря на все надежные внутренние скрепы.

Всё это время, пока она рыдала из-за Олега, считала себя никчемной, толстой и некрасивой, пряталась в оверсайз и тонула в горах немытой посуды, где-то неподалеку с самого утра летал коварный, перекормленные нектаром купидон, неслышно помахивая маленькими крылышками и выслеживая её сердце. Видимо, она стояла у него в чек-листе на двадцать первое октября, по выполнению плана. Маленький щекастый пакостник, как видно, сидел в засаде, терпеливо выжидал, а теперь-таки засандалил ей стрелу прямо в грудь. Причем выбрал для этого самый изощренный, самый циничный способ — пробив глухую броню комплексов и одиночества руками, кто бы мог подумать, робота, который прямо сейчас на полном серьезе предлагал ей испечь кекс из старой сгущенки!..

«Может быть, это просто острое чувство облегчения и благодарности после спасения? — промелькнуло у неё в голове. — Я же не могу вот так взять и влюбиться в робота после всего пережитого. Ну, да... Он красавчик. Но я же взрослая тётенька, которая давно не верит в сказки. Ну бред же какой-то!.. Это просто благодарность, — твердила она себе как заклинание. — Обычная, нормальная благодарность. И точка». Мысль почти начинала казаться правдой, почти успокаивала... пока Елена не поймала себя на глупой надежде, глянув на его губы: «Вот если бы он ещё улыбнулся, то мне точно пришла бы хана. Как говорится, по самые помидоры...». От этой мысли стало одновременно смешно и страшно — будто только улыбки ей еще не хватало, чтобы пазл сошелся полностью, а купидон проставил в своем чек-листе резолюцию: «Любовь» и полетел выполнять очередное задание...

Глава 3. «Когда дождь никуда не торопится»

Глубокой ночью квартира погрузилась в тишину, нарушаемую лишь шуршанием мелкого дождя и мерным гулом далекого шоссе за плотно закрытым окном. По подоконнику стучали тяжелые редкие капли, а где-то вдалеке перекачивался собачий лай. Ночная переключка...

Елена по привычке не могла уснуть. Мысли роились в голове, будто муравьи в потревоженном гнезде. Всё, что произошло за день, наполнило дом суетой и жизнью — пусть даже по воле объекта, которого, строго говоря, нельзя было считать живым. Нервы и воображение оставались взбудораженными. Она планировала отложить диагностику, но, лежа в темноте без сна, внезапно поняла, что просто теряет время. Какой смысл ворочаться с боку на бок, если днем она проспала несколько часов?

Тихо выбравшись из-под одеяла и стараясь не скрипеть половицами, Елена прошла из спальни в гостиную. Адам стоял у окна на док-станции, подключенный к сети. Его глаза были закрыты, но на шее, слева от гортани, лениво «дышал» неоновое-зелёный пунктир зарядки. Станция под ногами робота едва слышно гудела, отдавая ему ток. На боковой панели интерфейса бежали строки данных: никаких ошибок, напряжение ровное. Всё штатно.

Глядя на живой неоновый пунктир, который в норме имел зеленую окраску, Елена вспомнила особенности архитектуры подобных продвинутых устройств, о которых когда-то слышала в университете. Ей самой никогда раньше не приходилось иметь дело с настолько сложными, пугающе антропоморфными андроидами — её рабочими буднями по большей части были бездушные промышленные манипуляторы и умная бытовая техника, рассчитанная на среднего потребителя, либо для использования в промышленности. На крупных роботах индикация зачастую вовсе отсутствовала. Но из курса робототехники она помнила: подобную технологию устанавливали только на дорогих моделях штучной сборки.

В отличие от обычных приборов, которые показывали проценты батареи на дисплее, на этих премиальных платформах инженеры использовали динамическую шкалу сквозного мониторинга. Неоново-светодиодный пунктир, пролегающий вдоль шейного узла Адама слева, на самом деле являлся живым аналоговым барометром состояния позитронного мозга. На саму шкалу прямо на заводе лазером были нанесены три жестких физических маркера: «Энергосбережение» — когда машина просто пассивно наблюдала за миром, «Синхронизация» — режим активного вычислительного процесса, и «Термический пик» — опасная зона, означающая критический перегрев кремниевого ядра.

Поскольку такие дорогие андройды, по сути, никогда не засыпали до конца, их нейросеть ни на секунду не прекращала работу, обрабатывая миллионы фоновых шумов, мимику собеседника и параметры собственного корпуса, подобно спящему человеку, видящему сны. Поэтому неоновый огонек на шее двигался непрерывно, даже когда робот не стоял на док-станции. Для пользователя этот индикатор был самым первым наглядным показателем состояния. По тому, как дрожал, вспыхивал, менял цвет или хаотично метался между отметками пунктир, можно было без всякого ноутбука понять, когда машина стабильна, а когда её алгоритмы заходят в тупик от избытка противоречивых внутренних запросов.

Она на секунду задержала взгляд на этих спокойных цифрах, бегущих по панели док-станции, и внутри стало чуть тише. Елена замерла, вглядываясь в предсказуемый ритм. Хотя что-то в этой квартире работало по строгим правилам. «Ну вот, — подумала она с кривой усмешкой. — Даже робот знает, когда ему нужно подзарядиться, а я всё никак не научусь вовремя ложиться спать».

Она села в кресло неподалеку от андроида и поставила ноутбук на колени. Верхний свет включать не стала — вполне хватало тусклого экрана и зеленой строки терминала. Пальцы

привычно набрали короткую команду. Не ради какой-то важной диагностики, а просто чтобы убедиться, что система откликается.

На экране статус Offline моргнул и сменился на Connecting... И почти сразу Адам открыл глаза. Не резко, а постепенно: линзы сначала засветились тускло, словно он стряхивал тяжелый сон.

— Получен сервисный запрос. Перехожу в дежурный режим, — голос Адама прозвучал ровно, без интонаций, но в ночной тишине он будто сообщил: «Я здесь».

Елена задержала взгляд на строчке Status: ОК и тихо выдохнула. Не потому, что починила что-то важное, а потому что эта машина подчинялась логике: спит, пока не позовут, откликается, когда нужно. Ей не хотелось ничего доказывать — требовалось просто собрать первичный отчет, чтобы шеф не обвинил её в затягивании сроков. Пальцы привычно набрали команду, и терминал выплюнул поток данных. Напряжение, температура ядер, загрузка процессора — всё находилось в пределах нормы. Первичный поверхностный лог чист, Адам работает безупречно. Но где-то в глубине его терабайтной памяти скрывается тот самый экзистенциальный сбой с разглядыванием птиц и дождя. Затем она открыла вкладку с поведенческими метриками и сразу наткнулась на красные флажки от системы мониторинга. Терминал выдал тревожный отчет:

```
Security_Flag: Extended_Idle_Period
Zone: Window
Duration_Total_Last_24h: 01:12:33
Unit: Adam
Status: Anomaly_Flagged
```

Час с лишним у окна. Для сына хозяйки это выглядело как банальный простой дорогого оборудования. Для Елены — пока еще как рабочая проблема, которую необходимо закрыть. Она щёлкнула по одной из строк, чтобы развернуть контекст, и подтянула внутренние логи самого Адама. Там, в самом низу, среди бесконечного массива сухих системных отчетов, мелькнуло кое-что, от чего у неё внутри будто оборвалось:

```
Request_Log: Patient_vocal_input
Timestamp: 03:05
Content: «Расскажи, что там на улице...»
Response: Rain_intensity_estimation + sound_texture_description
Duration: 68 minutes
Status: Request_fulfilled
```

Елена задержала дыхание. Это не было зависанием — это был ответ на просьбу. Робот не простаивал, он держал связь с миром для человека, который не мог встать.

Елена чуть наклонила голову, будто пыталась сквозь тишину прихожей услышать то, что он делал той ночью. Она подняла взгляд от экрана и тихо спросила:

— Ты... ты ведь не просто смотрел в окно, да?

Андроид не шевельнулся. Только его голос прозвучал чуть иначе — более мягко, словно система глубоко подгружала архивный контекст:

— Мы общались... В 03:05 пациент запросил описание внешней среды, — голос Адама звучал ровно, но в нём появилась какая-то глубинная, обволакивающая мягкость. — Я предоставил оценку интенсивности осадков, акустический профиль дождя и прогноз на ближайшие два часа. Длительность сессии обусловлена необходимостью поддерживать непрерывность сенсорного контакта при ограниченной подвижности пациента.

Андроид на секунду замолчал, словно переключая дорожку архивной записи, а затем тихо продекламировал слова, которые говорил той ночью Алевтине Марковне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.